чій представитель современнаго индивидуализма. Духъ времени, противъ котораго онъ боролся съ такимъ яркимъ талантомъ, почилъ на немъ больше, чѣмъ онъ думалъ: его жизненный жребій состоялъ столько же въ разрушеніи, сколько и въ возсозданіи христіанства. Въ мучительной работѣ духа, въ тяжкомъ бореніи съ самимъ собой созрѣла и развилась въ немъ религіозная личность, и величайшая заслуга Толстого, его незабываемое значеніе въ современной культурѣ лежитъ именно въ его смѣлой, проникновенной, часто геніальной борьбѣ за религіозное міропониманіе, за религіозное отношеніе къ жизни. Религіозное творчество—вотъ то главное, въ чемъ расцвѣлъ геній Толстого; оно цѣннѣе, важнѣе, чѣмъ все остальное, что онъ далъ культурѣ. Въ религіозномъ творчествѣ Толстого—вся сила и вся слабость его, вся тайна его души, вся ея загадочная судьба. И тотъ, кто не знаетъ Толстого, какъ религіознаго мыслителя и человѣка, тотъ не знаетъ самаго глубокаго, самаго подлиннаго въ немъ, тотъ не знаетъ Толстого.

Оцѣнка и анализъ религіозной личности Толстого, конечно, очень трудны, такъ какъ и намъ самимъ не подъ силу религіозно понять и оцѣнить современную культуру. Упадокъ религіознаго самосознанія такъ великъ, что, внѣ Церкви, лишь такимъ героямъ духа, какъ Толстой, удается сбросить съ себя сладкій обманъ современнаго міроотношенія и собственными усиліями усвоить реальность и смыслъ религіознаго пути жизни. Но въ этой героической борьбѣ сколько добраго, цѣннаго теряютъ люди, сколько потерялъ Толстой! Въ томъ то и заключается религіозная трагедія нашего времени, что многія, многія души оставлены на произволъ, что они забыли, гдѣ свѣтъ, отвыкли отъ религіознаго міроотношенія, что тяжкими страданіями, страшными муками они должны заплатить за то, чтобы добраться до высотъ религіозныхъ переживаній, что, утомленные путемъ и долгой борьбой, они не доходятъ до конца. Подъ бременемъ духовной усталости, часто уносимые волной индивидуализма, религіозные искатели нашего времени—и среди нихъ прежде всего Толстой—частичку усвоенной ими правды выдаютъ за всю правду, успокаиваются, задерживаютъ другихъ, мѣшаютъ имъ...

Вотъ и говоришь о Толстомъ, какъ о живомъ человѣкѣ... Такъ оно и должно быть! Мы вѣдь имѣемъ право говорить о покойни-